

Нет так давно в нашей печати появилась серия статей о пьесе М. Горького «Мещане», общей особенностью которых была более или менее решительная переоценка образа Нила. Казалось бы, ни у кого из наших критиков не могут возникнуть сомнения в том, что Нил был близок и дорог автору пьесы (об этом не раз говорил сам Горький) и что в пьесе именно Нил — наиболее сильный и непримиримый враг мещанства. Но такие сомнения возникли. В одной статье было сказано, что «Нилу порой недостает душевной тонкости», в другой — его уличали в стремлении обижать людей: «...он все скажет и сделает с улыбкой, от которой немного страшновато становится», в третьей — оправдывалась такая трактовка Нила, которая давала «опознавательные знаки подкарауливающих опасностей» — опасностей самодовольства, пре-небрежительного отношения к людям и «обидной безапелляционности».

Могут сказать: критики не сами придумали такую трактовку Нила, а позаимствовали ее из спектакля Большого драматического театра имени Горького, спектакля, глубоко раскрывшего внутренний мир Бессеменовых и получившего заслуженно высокую оценку. К этому могут добавить, что победителей не судят. Неверно! Восхищаясь творческой победой, мы не должны закрывать глаза на то, что были понесены ненужные, лишние жертвы. Ни в коем случае не должны, так как у победителей иной раз учатся не только тому, что привело их к успеху, а тому, что явилось причиной лишних, ненужных жертв. Кто может поручиться, что теперь, после подобных статей, по сценам наших театров не зашагает целый взвод самодовольных, грубоватых и страшноватых Нилов?

Но дело не только в этом. Вслед за статьями о «Мещанах», развенчивающими Нила, неизбежно должны были появиться статьи о пьесе «На дне», возвеличивающие Луку. Ведь оба эти

образа (один — позитивно, другой — негативно) выразили горьковское понимание гуманизма. Горький стремился показать, как полезны людям прямота и суровая правда Нила и как вредны им, пусть и прониктованные чувством жалости, утешительные иллюзии Луки. Естественно, что критики, осуждавшие Нила за якобы присущие ему душевную черствость и жесткость, поднимали на пьедестал Луку за его мягкость и доброту. Так было когда-то, в преддверии первой русской революции, так, почти так, случилось и в наши дни. И хотя нельзя отождествлять выступления старых и новых критиков, хотя эти выступления были продиктованы совершенно разными мотивами и подводили к совершенно разным выводам, — к нам ко всем можно отнести горькие слова автора «На дне», вызванные рецензиями на первую постановку пьесы: «Хвалить — хвалят, а понимать не хотят... И мне — не очень весело».

В чем состоит различие старых и новых похвал по адресу Луки? Прежде восхищались способностью Луки отвлечь людей от суровой правды жизни, убаюкать их «сказками». Теперь пишут по поводу спектакля Горьковского театра драмы, что Лука не имеет ничего общего с утешителями: «...не создает в этом спектакле Лука иллюзий у людей — напротив, он их разрушает, разъедает» (И. Вишневская. «Начиналось, как обычно». «Театральная жизнь», № 24. 1967). Прежде приветствовали образ Луки как «свидетельство» перехода Горького от призывов бороться к призывам терпеть и прощать. Теперь мы читаем (по поводу исполнения роли Луки в Кировском театре): «Лука — суровый и гневный правдоборец, несущий людям добро и надежду, заставляющий их уверовать в свои силы. Он приносит с собой могучее дыхание России, ее пробуждающегося народа. От него веет ширью и мощью родных полей, с ним, в глубоком подтексте, появляется тема революционного предгрозья, надвигающейся очистительной бурей. Плоть от плоти великого народа, он — романтический герой спектакля» (И. Романович. «Обыкновенное несчастье». «Театр», № 9. 1968).

Читая этот гимн Луке, не можешь отделаться от ощущения, что если старые критики, отождествляя героя и автора, грубо искажали позицию Горького, то самого Луку они понимали значительно лучше.

Мне не хочется заниматься вопросом о том, кому принадлежит приоритет в новой переоценке Луки — критикам или театрам. Отмету лишь, что иногда в форме рецензии на спектакль излагаются такие мысли, которые не имеют с этим спектаклем почти ни-

чего общего. И. Вишневская, говоря о постановке «На дне» в театре «Современник» («Вечерняя Москва», 14 ноября 1968 г.), утверждает, что Лука в этом спектакле не утешитель, а «быть может, натерпевшийся от властей политкаторжанин», что у него «какая-то четкая и сильная вера» и что он «как бы стал Сатиным». Критик замечает, что в спектакле недостаточно переосмыслен образ самого Сатина: «...знаменные слова о человеке он должен был бы говорить как много раз передуманные мысли, не подкрепленные, однако, в этом харак-

рактере». Луки выходило на первый социальный план. Не хитро-сладкие речи проповедников, но громкие, резкие крики Буревестника обращал Горький к людям. Что же сегодня? Сегодня, когда добрые человеческие отношения становятся критерием истинного прогресса, не может ли оказаться вместе с нами горьковский Лука, не стоит ли заново послушать его, отделив сказку от правды, ложь от доброты?

Как же отделяет критик «сказку от правды, ложь от доброты»? И. Вишневская категорически от-

ригала самая малодейственная в пьесе и самая декларативная. Если же он и делает что-то, то чаще — зло: шуллерски обыгрывает в карты простую душу — Татарина, выманивает у него последние, заработанные тяжелым трудом гроши». И вот даже на такого, совершенно не борющегося с алкоголизмом и выманивающего трудовые гроши тунеядца сумел повлиять Лука: «...и его преобразил отраженный свет Луки».

На что «опирается» подобного рода трактовка пьесы «На дне»? Прежде всего на легенду о том, что

слушавшихся ее пения людей к катастрофе.

О смысле своей пьесы и образа Луки Горький с полной ясностью сказал вскоре после первой постановки «На дне», стремясь развеять туман, которым окружила пьесу буржуазно-либеральная критика: «Основной вопрос, который я хотел поставить, это — что лучше, истина или сострадание? Что нужно? Нужно ли доводить сострадание до того, чтобы пользоваться ложью, как Лука?». Ответ Горького, данный в самой пьесе устами Сатина, гласил: «Ложь — религия рабов и хозяев... Правда — бог свободного человека!» Нет ничего выше истины, ибо без нее невозможно подлинное человеческое, способное реально помочь людям сделать жизнь лучше. Неужели этот вывод устарел и должен быть — в порядке «современного прочтения» — пересмотрен?

Те, кто старается возвеличить Луку, уверяют, что существует лишь один выбор: либо объявить его лицемерным лгуном и шарлатаном, преследующим свое корыстные цели, либо очистить его от обвинения в утешительстве. Наше литературоведение давно отбросило в сторону и эту легенду. В пьесе проведена грань между ложью как «религией хозяев», которая нужна тем, кто питается «чужими соками», и ложью как «религии рабов», выражающей настроения подавленности, деморализации, пассивности, — настроения, которые были характерны для части народной массы и которые стали, как указывал В. И. Ленин, серьезнейшей причиной поражения первой русской революции. Да, серьезнейшей, хотя о проповедниках «религии рабов» в пьесе «На дне» правильно сказано, что они «лгут из жалости к ближнему», и хотя их «ложь утешительная, ложь примиряющая», например толстовская проповедь нравственного самосовершенствования и не-противления злу насилием была проникнута искренним стремлением облегчить людям жизнь. Вся суть заключалась в том, что проповедники таких учений не верили в способность людей изменить жизнь революционным путем. Сатин не шел за Лукой, а решительно рвал с его философией, когда, защищив его от обвинения в «шарлатанстве», восставил затем против «примиряющей» лжи.

Один из наших талантливых артистов высказал такую точку зрения на образ странника Луки: «Лука не утешитель. Давайте с вами назовем лгуном, притворщиком, на манер Луки, та-

першего врача, который говорит умирающему: «Ваша дела поправляются...» Ну, а если врач считает всех больных умирающими и видит свою единственную задачу в том, чтобы скрыть это от них, чтобы ослабить с помощью лжи и других наркотиков их страдания? Если он не помогает бороться с болезнью тем, кто может и должен ее перебороть? Лука — именно такой врач, и таких врачей было немало в духовной, идеальной, политической сфере. Было и осталось в капиталистическом мире. Только они сильно измельчали, и среди них стало гораздо меньше тех, кто лжет «из жалости к ближнему», и гораздо больше тех, кто прикрывает преступления капиталистической системы лицемерной ложью, например ложью о «демократическом капитализме», и призывают к «демократизации», «либерализации», «гуманизации» социализма.

...О «современном прочтении» пьесы «На дне» говорить можно и должно, если эти слова означают стремление раскрыть действительное существо гениального произведения Горького в свете действительно современных идеальных задач. В статье «Начиналось, как обычно» «новое» толкование Луки подкреплено следующими соображениями: «Образ поворачивается к нам одной из своих бесчисленных граней. Кто знает, какие грани выберет в нем другое время». Нет спора: великие драматургические образы могут поворачиваться к нам разными гранями в зависимости от требований времени и от направления талантов исполнителей. Но поворачиваются они своими гранями, а не чужими. Ни в какую эпоху не будет правомерным изображать Гамлета фигурой комической, а Тартофя — фигурой трагической, Нила — как самодовольного эгоиста, а Луку — как выразителя революционных чаяний народа...

Самая главная ошибка названных критиков состоит в том, что они совершенно «устраняют» то, ради чего пьеса «На дне» написана: постановку вопроса о подлинном и мнимом гуманизме. А между тем постановка этого вопроса была одним из самых замечательных вкладов Горького в духовную жизнь человечества. Это тот его вклад, значение которого не только не уменьшилось, а еще больше возросло сегодня, в наше сложное, выполненное остройших катаклизмов и напряженнейшей идеологической борьбы, но тем более интересное и прекрасное время.

Б. БЯЛИК

ПРИМИРЯЮЩАЯ ЛОЖЬ И ВОИНСТВУЮЩАЯ ПРАВДА